

Александр Вельтман

**Светославич, вражий
питомец**

**Диво времен Красного Солнца
Владимира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В28

Вельтман А.
В28 Светославич, вражий питомец: Диво времен Красного Солнца Владимира / Александр Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2012. – 108 с.

ISBN 978-5-4241-1689-6

Разносторонность интересов и дарований Александра Фомича Вельтмана, многогранность его деятельности поражала современников.

Прозаик и поэт, историк и археолог, этнограф и языковед, директор Оружейной палаты, член-корреспондент Российской академии наук, он был добрым другом Пушкина, его произведения положительно оценивали Белинский и Чернышевский, о его творчестве с большой симпатией отзывались Достоевский и Толстой.

ISBN 978-5-4241-1689-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Часть первая

I

Над Киевом черная туча. *Перун-Трепица*¹ носится из края в край, свищет вьюгою, хлещет молоньёй по коням. Взиваются кони, бьют копытами в небо, пышут пылом, несутся с полночи к *Теплому морю*. Ломится небо, стонет земля, жалобно плачет заря-вечерница: попалась навстречу Перуну, со страха сосуд уронила с росой, — разбилась сосуд, просыпался жемчуг небесный на землю.

Шумит Днепр, ломит берега, хочет быть морем. Крутится вихрь около *дула-самогуда* у Княжеских палат, на холме; проснулись Киевские люди; ни ночи, ни дня на дворе; замер язык, онемела молитва. "Недоброе деется на белом свете!" — говорит душа, а сердце остыло от страха, не бьется.

Над княжеским теремом, на трубе, сел филин, прокричал вещуну; а возле трубы сипят два голоса, сыплются речи их, стучат, как крупный град о тесовую кровлю.

Слышит их Княжеский глухонемой сторож и таит про себя, как могила.

— Чу! Чу! — раздается над теремом.

— Не чую? — отзывается другой голос.

— Чу! здесь слышнее, приинкни... чу! быть добру! нашего поля прибудет!..

— Не чую, как ни сунусь, везде крещеное место! Лучи, как иглы, как правда людская, глаза колют; а ладные звуки закладывают уши. Построили терем! спасибо! хорош! добро бы сквозь дымволок путь, да за печкой или в печурке место *простое* для нашего брата! так нет: все освятили крестами враги!..

— Не хмурься, *Нелегкий*, найдем место! без нас кому и житье? те! чуюшь?

— Ни слова!..

— Чу, чу!.. Ну, друг, припасай повитушку, готовь колы-белку, готовь кормилку!..

— Да вымолви, что деется в Княжеском тереме?

— Скоро наступит раздолье! выживем крест с родного холма! Князь с Княгинею спор ведут: как звать, величать будущего сына. Княгиня говорит Скиольдом, именем Свенским-крещеным — да не разорить ей *нас*! Князь хочет звать Туром... Чу, подняла плач и вопль, взбурилась!.. взбурился и Князь! — чу, клянет он ребенка! "Провались, утроба твоя!" — говорит... Ступай, ступай, *Нелегкий*, несись за баушкой-повитушкой!..

Крикнул снова филин в трубе Княжеского терема, застонал, обвел огненными очами по мраку, хлопнул крылом; завыл сторожевой пес, вздрогнул глухонемой привратник, молния перерезала небо, Перун-Трепица круто заворотил коней, прокатился с конца в конец; припали Киевские люди, творят молитву.

— Недоброе деется на белом свете! — проговорила душа, а сердце замерло.

Зашипело снова над Княжеским теремом, застучали темные речи, как град о тесовую кровлю.

— Здорово! совсем ли?

— Ступай принимать! все что в утробе, все наше!..

— Ну, добрая доля! как же проникнуть мне в Княжеский терем?

— Вот скважина возле трубы, да щель, да гнилой *сердцевиною* вдоль пере-

кладины, прямо *накатом*, по стенке, да в угол...

— Да кто тут пролезет!.. словно уж в тереме нет ни окна, ни дверей...

— Много, да святы: крест на кресте!.. Ступай же, ступай, повитушка, покуда *певень* не повестил полночи... Эх растолстела! скоро тебя и простыми глазами рассмотришь!..

— Ну, так и быть... э! завязла!..

— Свернись похитрее да вытянись в нитку, а я с конца закручу да словно в ушко и продену сквозь терем.

— Шею свернул, окаянный!..

Филин на трубе взмахнул крылом, крикнул недобрым вещуном; вспыхнуло, грянуло в небе; прокатился грохот между берегами Днепровскими, встрепетнулась земля, взвизгнули сторожевые псы, вздрогнули Киевские люди.

В ложнице Киевского Великого Князя темно; светоч тускло теплится перед капищем-складнем, только изредка свет молнии отсвечивается на оружии, развешанном по стенам: на серебряных луках Команских, на *спадах* и мечах Асских и Косожких, на сулицах Бошнякских и на 80 золотых ключах Болгарских. Вместо пухового ложа широкая дубовая лавка с крутым заголовком, на лавке разостлана оленья шкура; не мягко, но *добросанный, дерзый* Князь Светослав опочивает крепким сном.

Прошедшее и будущее сливаются в его сновидении: видит он Хазар, распространяющих власть свою от Русского моря до Оки; они вытеснили Болгар от реки Белой, завладели богатою столицей их *Вар-Хазаном*. А Вятичи, соседи их, как разбитая ветром туча, носятся, оглашают воздух словами: "Не хотим платить Жидам по *шлягу с рала!*.. стань за нас, Светослав, силой своей!.." Идет Светослав с полками Киевлян, Кривичей и Древлян к Римову, приступает к Сары-Кале; раскидывает по камню *великую вежу*; гонит Хазар лозою; несутся Хазары, как черные враны в степи; а Светослав близится к дому, принимает дары от Тора, станицы Бошнякской; Хазарские Жиды близ Волги встречают его золотом, Аланды, соседи их, также; от Волги возвращается Светослав чрез земли Азов и Азак Таурменов, живущих по берегам Торажского озера, до устья Дона. На обратном пути принимает новые дары от кочующих Куман...

Стелется путь Светослава Игоревича славой и золотом, да ему этого мало: на полудни все небо оковано золотом, осыпано светлым камнем...

И вот легкие крылья сна переносят его за Дунай; быстро приближается он к высокому берегу, сливающимся с небом; болонье покрыто шелковым ковром, солнце горячо, а волны и рощи дышат прохладой, светлые струи алмазного потока льются с гор, а жажда лобызает их, а утомленные члены тонут в волнах. Вдали ропщет свирель, эхо делит ее печаль... а Светославу все слышатся гудкие трубы — зовут его к бою. Вот, в глубине лесистого *Имо*, великий *Преслав*,² стольный град Краля Болгарского, светит златыми кровлями, покоится в недрах гор.

На холме белеют и горят солнцем палаты Бориса... а Борис горд, сидит на златокованом столе, держит державу да клюку властную, не хочет знать Светослава.

Светослав торопится перед полками своими; грозит обнаженным мечом Борису, приближается... вдруг горы сомкнулись, Преслав исчез... В отдалении, на холме, вежи Тырновские, окруженные садами; а за ними темный лес, посвящен-

ный *Морану* и *Трясу*, тому Трясу, который является людям, окутанный в тени лесные... около него вьются, перелетая с дерева на дерево, тоскующие души несожженных покойников... А хитрые Греки стоят на горах да грозят издали Киевскому Князю. Взбурился Светослав на Греков, заступников Хазарских. Видит он, как Феофил тайно шлет своего *Спатаря* укреплять границы против Руси. Спатарь строит новую великую крепость и стену пограничную. Ковы строят Греки! мыслит Князь, и кипит мщением, несется на трехстах ладьях к Царьграду, полосует море... и вдруг... море не море — степь необозримая, вместо волн ковыль колышется, вместо ветров свистят со всех сторон стрелы, вместо тьмы ночной — тьмы Бошняков... Скрылся свет от взоров, кровавое солнце утонуло в туманах небосклона... тишина могильная... замерло сердце Светослава... дыхание стеснилось...

Вылетел из груди его глубокий вздох, тьма отдаления вспыхнула, зарумянилась, свет снова стелется по небу, высокий *Имо* тянется уступами в обитель миров. За *Имом* Фракия; уступами склоняются горы к Белому морю, рассыпаются по нем островами...

В отдалении, в лиловом тумане, видит он Игоря и Олега и щит Русский на вратах Царьграда. Затрепетало сердце его...

— Свенельд! — восклицает вдруг Светослав, очнувшись от сна.

Свенельд, пробужденный внезапным, громким голосом Князя, вскакивает с ложа, вбегает в ложницу Светослава.

— Я иду за Дунай! — готовь сильную рать мою, Свенельд!.. Все, что платит Киеву дань, со мною!.. — произносит Светослав и забывается снова.

— То бред сонный! — говорит про себя Свенельд, выходя из ложницы.

В одрине Княгини Инегильды горят светильники пред Божницею, золотые лаки пылают разноцветными огнями, огромные жемчужины отбрасывают от себя радужные цветы. Сквозь слюдовые окна видна на дороге грозная ночь. Стены в покое обиты рытым *изарбатом*; резной потолок украшен узорами из жемчужных раковин; стол покрыт паволочитым шитым покровом с золотой бахромою, лавки также; на поставце стоит золотая и серебряная утварь, и город Торнео, кованный из золота, родина Инегильды.

На резной кровати с витыми столбами и шелковою кровлею тонет в пуху Инегильда; багрецовое одеяло вздымается на груди ее, ночная повязка скатилась с чела, русые волосы рассыпались по изголовью, ланиты разгорелись, над закрытыми очами брови изогнулись, как темные ночные радуги. Тяжело дыханье Княгини, тяжки вздохи.

Вдруг вскрикнула она *благим матом*, очнулась, приподнялась, приложила руку к сердцу, водит взоры вокруг себя, вся дрожит.

— Девушки!.. кто тут!

Две спальные девушки спросонков бегут из другого покоя.

— Девушки!.. — продолжает Княгиня. — Кто тут?.. Ох, страшно!.. кто тронул меня?..

— Нет никого, Государыня Княгиня! — отвечают девушки, трепеща от страха: сквозь хрустальное красное окно видно, как молния палит небо.

— Ох, что-то недоброе содеялось у меня под сердцем... хочет выскочить... сердце!.. взныли все кости!.. чу! что загудело в трубе?.. где плачет ребенок?..

— То ветер взвыл, Государыня!

— Ох, нет, не ветер!.. то воет пес, то стонет птица ночная!.. болит под сердцем!..

И вдруг Княгиня залилась слезами, зарыдала, и вдруг умолкла, упала без памяти в подушки.

Стоят над нею девушки, бледнеют от страха.

Пышет вдали молния, гремит Перун-Трещица; слышит глухонемой сторож Княжеского двора: опять стучат чьи-то темные речи, как град о тесовую кровлю.

— Эх, бабушка, мешкает! того и гляди, что певень залетится!..

— Нелегкой! — раздался вдруг голос повитушки из внутренних хором.

— Приняла, да не знаю, как выйти: ребенку пять лун, его не вытянешь в нитку, не проденешь в ушко. Слетай-ко за *словом*. Пришлось обратиться в невидимку; да скоро! певень проснулся, крылья расправил!..

— Зараз!.. Утихло.

Филин хлопнул крылом, вспорхнул, полетел; певень полуночник хлопнул крылом, залился. Приняли его голос и все петухи, поют.

II

Когда природа была моложе, одежда ее блестящее, румянец свежее, дыхание благовоннее, когда воспевали ее певцы крылатые, летающие непорочные души первых населенцев мира, когда человек жадно, внимательно слушал ее плавные речи, — когда жизнь человека была не ношею, не оковами, не темницею духа, но чувством самозабвения, блаженной любовью, невинною, ненаглядною девою, на которую очи смотрели не насмотрелись, от которой сердце не опадало, не щемилось, не тоскнулось, не обдавало души страхом, а билось так радостно, что мысли исчезали, душа, как голубь, вспархивала, носилась, вилась, парила и возвращалась в свою голубницу, чтоб ворковать о ясных днях, о светлых надеждах...

В это-то время ржа переела оковы *Нечистой силы*, заключенной при создании мира в недрах земли, и духи злобы, почувствовав волю мышц, встрепетнулись, прорвали 77 000 слоев земли, хлынули на *Белый свет* посреди цветущей *Атлантиды*, понесли селить вражду между стихиями и людьми.

Долго колебалась земля, долго волновался океан; а Атлантида, разраженная взрывом, рассыпалась по водам прахом, исчезла.

Нечистая сила селилась на земле; первоначально избрала она своей столицею землю Халдейскую близ Красного моря, где жило племя *Рыжих*; их научила она войне, хитрости и обману, научила *мороку* и *порче*, научила страху и надежде, построила *ограду* и *Вежу великую*, заставила поклоняться *скрытому*. Но скоро *заповеди* изгнали ее оттуда с толпами народа *колдунов*, *волшебников* и *чародеев* в мрачные болота севера. "И отошла она, — как говорит предание, — в великие леса и в водные и в потные дубровы и раменные места, на черные и мягкие земли". Долго царила она там, но крест и там преследовал ее и заставил искать *недоброго места* в глубине лесов и в ширине степей Руси.

Обратилась *Она* в сорок, поднялась черною стаей, скрыла от людей свет солнечный, тучею опустилась на берега Днепровские, против того места, где была в святых горах *kuffe Saka Herra*.

Покуда строился *стан* ее *Саббат*,³ новый *Кааба*,⁴ названный Константином Багрянородным *Самват*, стояла она долгое время на *Лысой горе* табором и

считала свои доходы. Каждый *Нелегкий*, отпущенный на *соблазн*, должен был приносить в известное время положенный оброк, определенное число *черных душ*. Сборщик податей принимал их как кипы ассигнаций, считал их на левой ладони указательным пальцем правой руки, внимательно переворачивал, *осязал*, просматривал на свет: нет ли фальшивой, и принимал в половину цены против *ходячей монеты* на белом свете.

Вскоре *Нечистая сила* заняла лучший холм, *bor-bairg*, или *Tog-berg*: гору Торову, осененную дубовую рощею; поселилась над самым Днепром в трущобе леса, в ущелье берега, который впоследствии прозвался *чертовым бережище*.

Близ погребница *господ* Скифских, засыпанного временем, было приволье *Нечистой силы*; завелся стольный град *нелегких, утырей, ведьм и русалок*.

Прибрав к рукам почти весь Днепр, они раскидывали окаянные сети свои во все стороны: на полночь до моря Мразного, на восток до гор, "*Им же высота аки до небеси, идеже суть заклепаны Александром Македонским Царем, сквернии языци*", на юг до *Теплого моря*, на запад до моря *Венецицкого* и далее. Ловили сетями людей и учили их "*безстыдно всякое деяние деяти*".

Тут столько расплодилось *Нелегких*, что не было прохожего, которому бы враг ноги не подставил.

На этом-то холме люди в безумии своем поставили кумира: "Его обличив высоко, образ страшен, голова из чистого золота, руки, мышцы и перси из серебра, чрево и стегна медные, голени железные, ноги и подножие мраморные".

Этот кумир одними назывался *Бел-бог*, иными *Перун*, другими *Тор* или *Чор*, и стоял он в кумирне под *небом*, или *Ваал-даком*.

Таким образом, наставляя людей злу и неправде, *Нечистая сила* жила на *бережище* припеваючи и воображая, что "нет конца ее силе, аки миру". Но отторгся камень от горы, без рук, ударил в кумира, и стер скудель, железо, медь, злато и серебро в прах, а ветер развеял его.

Пришел учитель *Святого слова* поведать истину Русским людям. Русские люди не верили словам, хотели чудес.

— Изгони, — говорили, — Белобожича с его высокого холма!

— Изгонию, — отвечал он и с крестом в руках поднялся на высокий холм, водрузил на нем крест.

Зарычала *Нечистая сила*, угомонилась, и полк ее отступил с священного холма, выше по Днепру, на крутой берег, в рощу, лежащую близ Княжеского заветного луга и Княжеских лесов; а чтоб *Омуту* и ведьмам иметь свободу ходить по Днепру, то *Нечистая сила*, отклоняя реку от холма, прососала новое русло, которое люди и назвали *Черторырею*.

На холме же Княгиня Ольга поставила свой златоверхий терем, который высился гордо и смотрел на Киев и окрестности. Кровля терема была медная, золоченая, все окны до одного были красные, стены лаженные снаружи разноцветною черепицею. С левого круглого выходца виден был Днепр, скрывающийся в густом лесу; от реки *Почайны* *луговая оболонь*; близ самого Днепра, на речке на *Глубочище*, стоял храм, строенный Ольгою в честь Св. Ильи громовержца божия, которого язычники называли *Хрестъянским Перуном*. Прямо, за Днепром остров, составленный *Черто-рыею* и покрытый лесом; за *Черторыею озеро Золоча*, а за ним светились рассыпные пески *Лысой горы*.

С правого выходца видно было в отдалении, как Днепр прятался за *Витичев*

холм, на котором стоял храм Св. Вита, построенный гостями веры *Панежской*; за холмом оконечность села Займища. Перед Витичевым холмом, немного левее одного, чернелась могила того *Дроттара-Скиольда*, который от Новгородского Князя был *Слом* у Греческого Царя Михаила и потом *рядил* на Киевском столе у Полян и Руссов.

Между Витичевым холмом и *Скиольдовой* могилой чернелся густой лес; а на скате крутого берега ущелье, а в ущелье трущоба, а в трущобе место темное, клятое, про которое страшно было и говорить.

Вправо, близ березовой рощи, над холмом Скиольдовым, было село Берестовец, а правее одного за окопом пространные Княжеские луга.

Перед заветными лугами, по скату лощинки, впадающей в ручей *Лыбедь*, видно было длинное село Шулявщина, Добрынино, с двором Боярским и теремом, где жила *Мила*; правее, в расстоянии одного поприща, тянуло село Княжеское Перевесище; а за ним, в садах, Варяжская Божница *Германеч* и холм, прозванный *Дировым*, ибо на сем месте стоял некогда Тор в виде Дира или быка, покровителя стад; далее, за *становищем* и *Дорожищем*, лежащими на левом берегу Лыбеди, чернелся лесистый правый ее берег.

С левого выхода, бросив снова взоры на *луговую оболонь* и на извивающуюся по ней речку *Глубочицу*, любопытство останавливалось на густой Яворовой роще, в недрах которой чернелось здание и воздымалась *Высокая*; тут, говорили люди, был последний приют *Волоса*. За рощею светилось озеро и струи реки Почайны. Левее озера выказывался холмистый крутой берег, оканчивающийся урочищем Скавикою, на котором видна была белокаменная Олегова могила.

Далее взоры терялись в лесах, в извилинах Днепра, в синеве отдаления, как память в глубине прошедшего, как луч света во мраке, как звук в пустыне, как ум в соображениях.

Красен был Киев; а кто не был в Киеве, тому не поможет раскаяние, говорили праотцы. Киев преддверие рая, говорили они, там светел Днепр, таинственны, святы берега его, высоки, зелены холмы, чист воздух... Но что было там прежде!.. что было там!.. о! идите поклониться Киеву, потомки Скифов! нет древнее его святыни, нет святее его древности! нетленна тайна, но тленен покров ее. Идите, потомки Скифов, поклонитесь Киеву, там найдете вы современников Дария, Митридата и Аттилы!

Тосковала *Нечистая сила* о приятном холме, злоба взяла *Нечистую силу*. Чего ни придумала она, чтоб выжить с *места* крест и овладеть своим древним *станом*. Ничто не помогло. Не имея права принимать на себя человеческого образа, *Нечистая сила* стала в пень. Но один хитрый *думец тьмуглавого змия* придумал воспользоваться не только *проклятыми людьми*, но и проклятыми детьми в материнской утробе.

— Воспоим людское детище сами, кровью людской, — говорил он, — воскормим в своем законе; возрастет, будет неизменным пророком лжи и неправды, восстановителем старых уставов Белбоговых, поклонником тления... Его сделаем мы земным владыкою.

— *Кикимора!*¹⁵ — вскричала вся *Нечистая сила* радостно. — *Кикимора!* — повторилось в ущельях гор и в трущобе лесов; взвились пески на *Лысой горе*, вздулся Днепр, заклокотали ведьмы, перекувырнулись *упыри*.

И положено было в Сейме на *Лысой горе* сделать первый опыт воспитания

людского детища на иждивении *силы Нечистой*... И в лето 6375 первая попытка была над сыном Суждальского Князя Рюрика Африкановича, который был, как говорит летопись, от рода Августа Кесаря Римского. Но и у *Нечистой силы* первый блин стал комом.

Второй выбор пал, как мы уже видели в первой главе, на Светославово детище, проклятое отцом в материнской утробе.

III

Дело шло на лад; *Нечистая сила* пиновала на счет будущих благ. Ведьмы на Лысой горе хороводы водили, звонко распевали: у-у! у-у! Киевские люди со страхом прислушивались, а Светослав, возвратившийся почти поневоле из Булгарии в Киев, по вызову Ольги, да *непраздной* своей Княгини Инегильды, да Бояр и старейших мужей для защиты Великого Княжеского города от нахлынувших *Бошняков*, скоро соскучился в Днепровской столице, особенно после ссоры с своею Княгинею за имя будущего сына. Его стало все сердить на Руси. Инегильда заболела; призвали повитушку; старуха взглянула на Княгиню, приложила руку под сердце...

— Кое уже время, Государыня, ты *непраздна*?

— За половину, — отвечала Княгиня.

— Словно нет ничего! — прошептала старуха. — Ох, недобро! провалилось чрево твое! убило злое слово младенца!..

Нахмурился Князь, когда дошла до него эта весть, проклятие детища легло у него на душе.

— Не любо мне в Киеве! не пригрею места себе! — сказал он своей матери Княгине. — Хочу за Дунай! там стол Великокняжеский, благая среда земли моей. Посажу Ярополка в Киеве, Олега в Деревскую землю, и пойду туда!..

Больная Ольга умолила сына своего пробыть в Киеве хоть до ее смерти; но скоро настал конец Ольги, и ничто не могло уже остановить желания Светославова. Похоронив мать свою, назначив уделы сыновьям, он сел в красную ладю; Великокняжеское паволочитое ветрило распахнулось, крутой рог загремел, вёсельщики грянули в лад, вспенили волны, запели ратную песню, ладю отвалила, а Светослав, стоя на корме, прощался поклонами с женой и детьми, с Боярами и народом. Все вопило, рыдало над Днепром, как будто над могилой Светослава.

Кто не знает из вас, читатели, Нестора, того маститого старца, что стоит в храме Русской Истории на гранитном подножии, как древний кумир, которого глаголам веруют народы, пред которым историки, как жрецы, ходят с кадиллом, а романисты черпают из 300-ведерной жертвенной чаши события прошедших веков и разводят каждое слово водяными вымыслами?

Из слов этого-то Нестора известно каждому, что когда Новгородцы пришли просить у Светослава Князя себе, то *Добрыня*, дядя Владимира, сказал им: "Просите Володимера, Володимер взором красен, незлобив нравом, крива ненавидит, любит правду, клюки ж в нем нет". И Новгородцы рекли Светославу: "Дай нам Володимера!" И Светослав, стоя на корме, прощался поклонами и с женой и рынею и *Сломи* Новгородскими в Новгород.

Здесь, кстати, поведаю я стародавнюю вещь, правду истинную:

На восток от Танаиса, в Азии, был Азаланд, или Азахейм; столица сей земли называлась Асгард, т. е. *град Азов*, богов; правитель сей земли был Один, муж

великий и мудрый. Это было в первом столетии до Р. Х. Предвидя приближение грозы от Рима и падение своей власти на берегах Черного моря, он удалился с большею частью народа своего к северу.

Пройдя Гардарикию, или Ризенландию и Сакаландию, он пришел в Фионию, принадлежавшую Свейскому Конунгу.

Не желая заводить раздора на новоселье, Один послал послов в Гильфу, Свейскому Королю, просить, по древнему обычаю, *земли и воды*. Гильф, зная уже по слухам победоносного Одина, дал ему часть болотистых пустынь Фионии. Один обвел часть сию плугом и назвал *Плогс-Ландией*, т. е. пахотной землей. Сверх сего Гильф дал для поселения Азских людей весь *Бримир* до гор Уральских, т. е. граничных гор. Таким образом, пришедшие с Одним Азы и Торки населили Бримир, или Биармию, а Ваны, или Финны, заняли Плогс-Ландию. Ваны построили на реке, соединяющей два больших озера, *Волхов*, т. е. двор божий, где и был главный их храм; озеро прозвали они *maose*, т. е. вода, болото.

Между тем давние зашельцы на север, родовитые Русины, — коих Готты, соседи Поморские, величали Ругянами, — стесненные на берегах Урманского моря новыми пришельцами, были терпеливы, покуда языческая вера их была сходна с древней религией соседей; но когда Готты, приняв в третьем столетии на юге Христианскую религию, перенесли ее и на север, в четвертом столетии стали смеяться над коваными и рублеными богами, а в пятом гнать кованых и рубленых богов и поклонников их, тогда Славяне, Русины Поморские, озлобились, и все, что только могло носить оружие, поднялось по *слову*, двинулось на новоселье, под предводительством Князя *Вавула*. По древнему обычаю, послали они послов к Финнам и требовали *земли и воды*; но Финны отказались от сего одолжения, надеясь на помощь Свеев; тогда Славяне нахлынули на их землю, покорили Плоксоф и Валхов и населили земли от Двины до Волги. Станом своим избрали они озеро *Маозе*, прозвали его *Лиманом*, т. е. озером, возобновили город *Валхов*, прозвали Новоселье *Новым градом*, стали жить, поживать и славиться.

После сих событий прошло пять столетий, когда Владимир подъехал к Новгороду. Все люди Новгородские, из днешнего и окольного города, высыпали навстречу; а посадники, люди *жилые*, и старейшие, и *старосты конечные* встретили его у ворот городских-торжинских, поклонились до земли, пожелали вековечного здравия и поднесли на золотом блюде каравай и соль, а на серебряных блюдах обетных зверей и птиц, выпеченных из пряного теста.

На реке ожидала уже Владимира *Княжеская ладья* красная, золоченая, с *небом* паволочитым и стягом Новгородским, на котором с одной стороны был изображен Пард и две звезды, с другой — лик *Святого Витязя* с тремя стрелами в одной руке и с рогом в другой.

При громах *славы*, песни хвалебной Владимир спустился в ладью; сорок вёсельников в лад закинули веслы, пригнулись вперед, могучими руками вспенили Волхов, и ладья, как стрела, спущенная из лука, перенеслась с Торжинского *полу* на *он пол*. От пристани до *хороми бога света* путь был устлан красным сукном; народ кипел по обе стороны.

Слуги хоромные подвели Князю Белого божьего коня и повели под узды к храму, огражденному святым рощенем и дубовым тыном. За храмом был *темный луг*, и ветер шумел по вершинам столетних священных дубов; над

преддверием возвышалась круглая башня, на вершине которой звонарь ударял в *било*.

У входа встретил Владимира *Вещий старый*⁶ владыко и Божерок, в головке высокою, красном, повитом белою пеленою до земли, с железом змийным в руке, полы *сорочицы*, покладенной жемчугом, несли отроки юные; жрецы и слуги хоромные вышли со свечами и *темьяном*.

Спевальщики хоромные затанули громогласно:

Иди, Княже Светославич, в *домов* бога,
В домов бога великого, в хором бога света!
У того венец золотный, слава мира,
Слава мира, речи грозы, грозы-громоносцы!
Помолися, Светославич, божью лику,
Лику солнца, лику свету, всесветному оку!
Упестрит Княжую ризу полем звездным,
Полем звездным, узорочьем, — опояшет властью!
Ухитрит Княжую душу на ум-разум,
На ум-разум и на слово, слово мед изустный!
Он усилует советом, беспечальем,
Беспечальем, дружелюбием, благой благодатью!
Раздерет покровы вражки черным горем
И нашьлет на них туман, туман и *омрак*!
Мир ти, боже, мир ти, Княже, мир ти, друже!
Слава вящим, слава людям, людям Новгородским!

"А со мною любовь возьми вовеки!"

- раздалось из внутренности храма, и все утихло.

"И красное и сладкое пребудет жизнью твоею, и будет слово мое цельба тебе!"

— раздалось еще громогласнее.

После привета Князю и поклона Вещий владыко принял дары Владимировы и внес во храм. Мужы Княжеские передали *слугам* хоромным златую великую лохань, пещренную хитрым делом и камнями, ларец с драгоценными *маньями* и ризами, два блюда с златницами Греческими.

Храм Волоса не представлял ничего роскошного снаружи: это было огромное четвероугольное здание, построенное из столетних дубов, почерневших от времени и обросших мохом; крутая крыша походила на темный луг; вокруг здания были двойные сени с навесами, верхние и нижние.

Под самой кровлей были волоковые продолговатые окна, сквозь которые, с верхних сеней, дозволялось женщинам смотреть на совершение обрядов во внутренности храма; ибо женщины не имели права входить в оный.

За храмом был пруд, осененный высокими липами, а за прудом палаты Владыки с горницами и выходцами и избы жрецов и слуг хоромных.

Не красуясь наружностью, храм Новгородский славился богатством от взносов и от доходов *волостных*.

Никто не помнил, когда его построили. Носилось поверье, что это тот же самый храм, который построен Финнами и про который *колдунья* Финская пророчила, что это "последний храм *болвана* и другого уже не будет — и сгинет вера в болванство, когда кровля Божницы обратится в тучное пастбище, а с во-